

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. В. Негря. Младший редактор И. И. Исаева. Художник Г. И. Шиф. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. Л-012891. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

О. Г. Большаков

СУЕВЕРИЯ И МОШЕННИЧЕСТВА В БАГДАДЕ XII—XIII вв.

Во всех мировых религиях, формировавших свою догматику и концепцию мироздания на уровне философского идеализма, всегда существовал большой разрыв между высоким религиозно-философским осмыслением мира, представляемым теологией, и верованиями широких народных масс, которым этот уровень был недоступен для понимания. Принимая основные положения догматики и обрядности, народные массы сохраняли множество верований и обрядов прошлого; признавая всемогущество и всеведение бога, они, чтобы избежать предопределения судьбы, пользовались всевозможными уловками, заимствованными из арсенала первобытной магии, которые зачастую были прямо запрещены господствующей религией. Господствующие религии боролись с этими суевериями¹, ограничивающими их монополию истолкования действительности, и в то же время вынуждены были использовать народные верования для облегчения пропаганды и укрепления своего влияния на умы.

Ислам не был исключением, хотя в нем разрыв между официальным учением и народными верованиями несколько сглаживался отсутствием церковной организации и одновременным существованием нескольких равноправных толков. Однако и в исламе «книжный» ислам правоведов и богословов и верования и привычки подавляющей массы мусульман находились в состоянии постоянного единоборства и взаимовлияния. К сожалению, этот аспект истории ислама с большим трудом поддается исследованию, поскольку в нашем распоряжении имеются показания только «книжной» стороны.

В этом отношении любопытен последний раздел полемического сочинения 'Абд ар-Рахмана б. ал-Джаузи «Талбис Иблис» («Наушения дьявола»), в котором перечисляются заблуждения простонародья, внушаемые ему, по мнению автора, дьяволом, постоянно осаждающим души правоверных². Весь этот перечень имеет значительную ценность для изучения взглядов и привычек рядовых багдадцев предмонгольского времени³, но нас сейчас интересуют только несколько пунктов обвинений, прямо касающихся суеверий. Ибн ал-Джаузи относит к их числу слепое следование обычаям предков и примеру окружающих, обращение к гадалщикам и астрологам, немусульманский обряд похорон (в одежде и гробах) с оплакиванием покойников,

биением себя по лицу и разрыванием одежд (последнее особенно предосудительно для женщин). По его свидетельству, у багдадцев существовал также обычай навещать могилы в середине ша'бана и брать с них землю⁴, что явно связано с кругом мусульманских верований.

Оплакивание умерших противоречит духу ислама, ибо смерть является возвращением из бренного мира в мир вечной жизни и блаженства и должна быть, скорее, поводом для радости, чем для печали.

Недвусмысленное осуждение оплакивания содержится в хадисах; похороны Мухаммада и первых халифов и подвижников пророка проводились очень скромно. Поэтому благочестивые люди возражали против того, чтобы их оплакивали. Один багдадский факих-хашимит, умерший в 1077 г., оставил своему ученику письменное завещание, в котором среди прочего просил: «...пусть не устраивают по мне оплакивания, не рвут одежду на груди и не бьют себя по щекам, а кто сделает это, того Аллах накажет».

Такое прямое указание обойти было нельзя, и тогда вместо оплакивания началось массовое паломничество на могилу этого праведника, которое, по существу, также было пережитком языческих представлений о приобщении к потустороннему миру через заступничество умершего. «Люди проводили на его могиле всю ночь среды и ставили отпечатки (*хатм*) на надгробие⁵. Вышли торговцы съестным и продавали еду, и стало это развлечением для людей. И не прекращалось это, пока не пришла зима и не помешала им. И поставили за это время на могилу более десяти тысяч отпечатков».

Подобное завещание было, видимо, редкостью, отчего оно и удостоилось упоминания в истории, обычно же оплакивание проводилось безо всякого сомнения в его допустимости. Особенно торжественные оплакивания упоминаются в «ал-Мунтазам» того же Ибн ал-Джаузи⁶. Представление о том, что для упокоения умершего кроме чтения молитв по мусульманскому обряду необходимо достойно проведенное оплакивание, было настолько прочно в сознании багдадцев, что они считали такое оплакивание естественным даже для похорон джииннов

Ибн ал-Джаузи описывает курьезный случай, прекрасно иллюстрирующий суеверия багдадцев. В раби' I 456/марте 1064 г., в очень трудное для багдадцев время, по Багдаду распространился слух, «что отряд курдов выехал в степь на охоту и они увидели черную палатку, из которой доносились вопли и шлепки по щекам, затем некий голос сказал „Умер Сайдук, царь джииннов, и в каком городе не будут бить себя по щекам, оплакивая его, и не устроят для него все, как надо, тот город будет разрушен и жители его погибнут“». Тогда вышли женщины и проститутки из Харима Багдада⁷ на кладбища, били себя по щекам три дня⁸, рвали на себе одежды и распускали волосы. И вышли мужчины из недоумков (*сафсаф*) и делали то же са-

мое. А в провинциях то же делали в Васите и Хузистане. О глупости, подобной этой, нет даже упоминаний [в книгах]»⁹.

Это, однако, не было единственным случаем оплакивания джинна. По словам Ибн ал-Фувати, в 646/1248-49 г. «у большинства багдадцев болели нос и горло, и умерло от этого много народу. И сказала одна женщина, что видела во сне женщину-джиннку по прозвищу Умм 'Ункуд, которая сказала ей: „Вот, мой сын умер в этом колодце,— и указала ей на колодец внутри Сук ас-султан,— и никто не соболезнует мне в этом, из-за этого-то я вас и душу“. Это произвело впечатление на людей, и устремились люди к колодцу — толпы простонародья, женщины и дети; поставили около этого колодца палатку и устроили там оплакивание. И причитали женщины, говоря:

О Умм 'Ункуд, соболезнуем!
Умер 'Ункуд, а мы не знали,
А когда узнали — тотчас прибежали,
не сердись на нас и не души нас —

и другие подходящие слова. Много было таких (причитаний) и других. Люди бросали в колодец одежды и украшения, дирхемы, хлеб, вареное мясо и кур и разные сладости и зажигали возле колодца свечи. Когда же дело зашло слишком далеко, стало стыдно и противно, то умные и большие люди указали на это халифу, и он приказал запретить это народу. Туда прибыл комендант города (*шихна*) и сказал: „Правительство (*диван*) устроило для Умм 'Ункуд траурную церемонию“. А затем приказал закрыть колодец, и люди разошлись»¹⁰.

В этом рассказе интересно не только описание траурной церемонии, но и то обстоятельство, что ни власти, ни «большие и умные люди» не решились прямо осудить нелепую с точки зрения правоверного ислама церемонию, а успокоили народ ложным сообщением о проведении официального оплакивания. Понятно, что *шихне* приходилось учитывать возбуждение багдадцев, вызванное эпидемией, однако одно это не может объяснить примирительную позицию властей и столпов официального ислама, не попытавшихся противопоставить суеверию объяснение бедствия с позиций правоверия. Видимо, им часто приходилось смиряться с «наушениями Иблиса», укоренившимися в сознании широких масс.

Этот рассказ заставляет также обратить внимание на большую роль сновидений в жизни человека эпохи средневековья. Они воспринимались как вполне реальная и достоверная информация, как действенный канал связи между небом и человеком. Достаточно вспомнить, что первое откровение, по мусульманской традиции, было ниспослано Мухаммаду во сне. Десятки хадисов, посвященных толкованию сновидений, закрепляют легальное положение сновидений в системе верований мусульманина¹¹. Средневековые историки сообщают множество случаев (достоверных и ложных) вещей снов, так или иначе влиявших на поступки государственных деятелей.

«История» Ибн ад-Джаузи полна подобных примеров. Мы сошлемся только на те из них, которые приходится на его эпоху. Сновидения, предвещавшие гибель великих людей (сам Ибн ал-Джаузи видел сон, предвещавший смерть знаменитого Ибн Хубайры) или тех, кто видел соответствующий сон¹², не являются чем-то специфическим именно для данной эпохи.

Очень характерно для этого времени использование сновидений (подлинных или выдуманных) в идеологической борьбе для возвеличения своих кумиров и ниспровержения противников. Так, один из поклонников Ибн ал-Джаузи видел во сне Мухаммада, который сказал ему, что уже в течение трех недель с удовольствием посещает проповеди Ибн ал-Джаузи; другой видел, как одного шафи'ита, ярого противника Ибн ал-Джаузи, некие двое ведут за руки, и на вопрос, куда его ведут, они ответили: «В огонь!»¹³. Праведники, являющиеся во сне, объявляют, что они получили вознаграждение; зато некий вольнодумец поведал, что просил у Аллаха прощения, но не получил его¹⁴.

Сновидения были для людей того времени вполне убедительным источником информации, которая побуждала их к конкретным действиям. Так, в сафаре 542/июле 1147 г. некий человек заявил, будто ему было сказано во сне, что каждому, кто посетит могилу Ибн Ханбала, будут прощены грехи. Тотчас к ней устремились тысячи багдадцев всех сословий. Какую выгоду обрел этот сновидец — история не сообщает¹⁵.

Убедительность сновидений для окружающих (при невозможности потребовать материальных доказательств правоты) делала сновидения соблазнительным средством для мошенничеств. В ноябре—декабре 1140 г. в селении под Багдадом предприимчивый мошенник перехоронил только что погребенного мальчика и затем объявил, что видел во сне Омара и 'Али, которые указали ему на могилу, где похоронен один из детей 'Али. За мошенником тут же последовала толпа любопытных, и он указал на место, где захоронил мальчика; открытие нетленного тела вызвало ажиотаж, и началось паломничество. Однако через несколько дней тело стало разлагаться, из Багдада прибыла комиссия из почтенных старцев, и в довершение всего нашелся отец мальчика, который признал в мнимом святом своего сына. Наступил крах: обманщика высекли кнутом и в назидание провезли по городу¹⁶. Кроме случаев крупного мошенничества случались и скромные попытки использовать ссылку на откровение, полученное во сне, в корыстных целях. Наивные простаки не понимали, что сновидения принимали за истину в зависимости от положения того, кто их видел. Честолюбивые сны религиозных авторитетов и их поклонников принимались за истину, а попытки простого люда приобщиться к этому немудреному источнику славы строго пресекались.

Ибн ас-Са'и сообщает, что в 629/1232 г. какой-то человек в межджлесе проповедника сказал, что видел во сне Мухаммада,

поручившего ему передать халифу перепела, который при пробуждении оказался у него в руках. Проповедник обещал передать его просьбу по окончании проповеди, а сам доложил полиции, и незадачливого обманщика наказали за клевету на пророка¹⁷.

Примечательно, что пристальное внимание к сновидениям и их влияние на реальную жизнь фиксируются примерно с рубежа XI—XII вв. Более ранние источники уделяют им гораздо меньше внимания. Вряд ли это явление можно объяснить только изменением характера исторических сочинений, бóльшим их вниманием к повседневной жизни. Вероятнее видеть в этом усиление мистицизма в исламе, приходящееся приблизительно на то же время, но эта проблема требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В нашей литературе зачастую не делается различия между религиозными предписаниями и народными верованиями, то и другое в равной мере считается суеверием. Между тем понятие «суеверие» было выработано богословами для обозначения «ложных» верований в отличие от «истинной» веры. На наш взгляд, суеверием в самом широком понимании можно назвать традиционную веру в существование таких причинно-следственных связей, позволяющих узнавать будущее и даже изменять его, которые господствующая система мировоззрения и уровень знания считают ложными.

² Талбис Иблис ли-л-имам Джамал ад-дин Аби-л-Фарадж * Абд ар-Рахман б. ал-Джаузи. Миср, 1347/[1928], с. 387—401.

³ В частности, приводятся уникальные данные о взглядах аййаров (с. 392).

⁴ Талбис Иблис..., с. 399—400.

⁵ Видимо, речь идет об отпечатках ладони, которыми отмечается посещение почтаемого места. Этот обычай встречается в Ираке и сейчас.

⁶ Ибн ал-Джаузи. Мунтазам. Т. 8, с. 316—317.

⁷ Центральная часть восточной половины Багдада с резиденцией халифа.

⁸ Три дня — обычный срок оплакивания.

⁹ Ибн ал-Джаузи. Мунтазам. Т. 8, с. 235. См. краткий пересказ: Китаб мухтасар ахбар ал-хулафа' ли-л-имам * Али б. Анджаб ал-ма'руф би-Ибн ас-Са'и. Булак, 1309/[1892], с. 92. Любопытно, что то же имя царя джинов упоминается столетием раньше в Басре (ат-Танухи. Нишвар ал-мухадара — «Ал-Маджалла ал-маджма' ал-илми ал-'араби». Т. 10. Димашк, 1930, с. 484).

¹⁰ Ал-Хавадис ал-джами'а ва-т-таджариб ан-нафи'а ли-Камал ад-дин Аби-л-Фадл * Абд ар-Раззак б. ал-Фувати. Багдад, 1351/[1932], с. 225.

¹¹ A. J. Wensinck. Concordance et indices de la tradition musulmane. T. 7. Leiden, 1969, с. 52—54.

¹² Ибн ал-Джаузи. Мунтазам. Т. 10, с. 193, 197, 201—202, 216, 273.

¹³ Там же, с. 267, 213.

¹⁴ Там же, с. 276—278.

¹⁵ Там же, с. 124.

¹⁶ Там же, с. 88—89.

¹⁷ Ал-Хавадис ал-джами'а..., с. 31—32.